

* * *

Медный зверь. Гранитная держава.
Мокрый ветер гонит снег шершавый
под копыта медного коня.
Медный горн скликает полк под знамя.
С ними Бог! Бог с ними и Бог с нами
мартобря тринадцатого дня.

До обрыва вёл слепцов незрячий.
Дождь сухой. Парящий лёд горячий.
Ровный счёт картечного огня.
Господи, кто в праве, кто в ответе, –
но спаси начавших на рассвете
мартобря тринадцатого дня.

Широка страна моя родная!
Кивера по ниточке равняя,
шпорами неистово звеня,
тяжкий крест берущие на плечи,
от тоски Отчизны не излечат
мартобря тринадцатого дня.

Широка страна моя! До края,
кольцами железными играя,
повезут сегодня – не меня.
Матушка, мой свет, утри слезу мне,
мы ещё слабее и безумней
мартобря тринадцатого дня.

* * *

Это нетрудно – гимн спеть,
это красиво – шпор звон.
Это достойно – принять смерть,
обороняя дом свой.

По анфиладам бежит чернь,
рвань площадная вершит суд.
Это понятно – где чей,
если погоны с плеч рвут.

Царские вина пьёт сброд,
с царской ограды орёл пал.
Лошади мчатся... И вот – порт,
где до рассвета корабль ждал.

Вам улыбался сей мир,
лад царскосельский был мил...
Ветер с залива флаг мнёт.
Кавалергарды, Крым – мёртв.

Горек последний струн стон.
Залпы спугнули птиц с крон.
Жёлтая глина, край рва.
Кавалергарды, мир вам!

* * *

Нас покинул август, оплакан.
Ровен бронзовый строй атлантов,
жёлто-алый чертёж аллея
строг в чугунной рамке со львами.

Sire, мы всё же свидимся с Вами
на наследной Вашей земле.

Sire, простите, что я так смело
по ступеням мраморным белым
мимо ангелов и богинь
к Вам вхожу, и, увы, невольно
Августейший покой сегодня
потревожат мои шаги

неуместно и непридворно.
Sire, улыбка моя притворна
повеленья из Ваших уст
в зале тронном, в святине оной
я не жду, Государь, с поклоном.
Дом Романовых ныне – пуст,

крепко заперта дверь резная,
и никто в России не знает,
на какой уральской версте,
под которой русской берёзкой,
под проклятым градом Свердловском
Вы зарыты, Votre Majesté.

QUO VADIS?¹

У полукруглого окна,
там, где шиповник рос,
над чашей, выпитой до дна,
парит десяток ос.

Поспешно был оставлен стол
и недоеден хлеб,
и до заставы за крестом
бежал вдогонку плёбс.

Вдыхая римлян волчий пот,
среди ослиных морд,
ведь ты не камень, бедный Пётр,
хотя и, правда, твёрд.

Да, Царство Божие не здесь,
а это – тлен и прах,
и будет цезарь землю есть,
как распоследний раб,

и сохранит латинский град
огонь твоей свечи,
и сам Христос у райских врат
вручит тебе ключи.

Но раньше – боль, и крест, и ввысь,
Ему в глаза – посметь...
Я верю, после будет жизнь,
но прежде будет смерть.

И нынче, с кровью на губах,
хромающий в пыли, –
что скажешь Господу, рыбак,
наместник сей земли?

* * *

Чума на оба наши дома,
раздолье сорному зерну.
А те, что ангелом ведомы,
и головы не повернут.

Разбиты медные скрижали,
трепещут чёрные крыла.
А тех, что праведно бежали,
десница Божия вела.

Когда начертанное свыше
в огне исполнится, и тут
уже расплавленные крыши
на мостовые потекут,

за тех, кого Господь избавил,
за тех, кто бросил этот град,
за исключение из правил
нелицемерно буду рад.

Но пусть в цветущем, изобильном,
в богоспасаемом краю
не уверяют, что любили
Отчизну грешную свою.

1 Камо грядеши – куда идёшь? (с церк. слав)